

Вывод. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что менталитет, национальные традиции и стиль жизни студентов – граждан КНР накладывают определенный отпечаток на процесс обучения, взаимоотношения с преподавателями и сотрудниками педагогического факультета ВГУ имени П.М. Машерова. Тем не менее, диалог и взаимодействия культур происходит в процессе учебно-воспитательной, концертной и практической деятельности.

Список цитированных источников:

1. Филиппова, И.Н. Сопряжение национальных литератур и перевода (на примере детективного жанра) / И.Н. Филиппова // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика» / под. общ. ред. Н.В. Иванова. – Выпуск № 2. – Т. 2. – М.: ИД «Международные отношения», 2017 г. – С. 121- 126.
2. Дмитриев, Г.Д. Многокультурное образование / Г.Д. Дмитриев. – М.: Нар. образование, 1999. – 208 с.
3. Матис, В.И. Теория и практика развития национальной школы в поликультурном обществе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук:13.00.01 / В.И. Матис:. – Барнаул, 1999. – 353 с.

**«СМЕРТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ», ИЛИ ЛИНГВОПРАВОВАЯ ПРОФИЛАКТИКА
В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ**

Лавицкий А.А., канд. филол. наук, доцент
(г. Витебск, ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”»)

Введение. В терминологическом тезаурусе современной лингвистики достаточно прочно закрепилось понятие *социолекта*, которое можно кратко определить как социальный диалект, то есть речевые особенности обособленной по каким-либо характеристикам общности. Чаще всего речь идет о проявлениях маркеров коммуникативного поведения, обусловленных социальным статусом носителей лингвокультуры. Однако следует понимать, что корни лингвистической отличности социолекта обычно лежат гораздо глубже социальных детерминантов и включают ряд других характеристик языковой личности: психофизиологических, психологических, временных и др. Таким образом, очевидно, что возможным является выделение социолектов, построение коммуникативной модели которых будет строиться на дифференциации половых, возрастных, институциональных и иных признаков. Исследование социолектов имеет как концептуальное теоретическое значение для гуманитаристики, так и прикладное, так как позволяет прогнозировать развитие коммуникативного пространства.

Относительно недавно социолекты стали попадать в фокус внимания специалистов в области правовой лингвистики, так как «преступные действия языка» (по А. Вержбицкой) могут быть социально обусловлены. В настоящей статье мы предприняли попытку выявить некоторые лексические особенности речевой деятельности подростков – косвенные маркеры противоправной деятельности.

Основная часть. Речь подростков чаще всего определяют как *сленг* (мы склонны считать это разновидностью социолекта). Характер сленга позволяет ребенку отождествлять себя с определенной институциональной/ социальной общностью. В коммуникативном плане сленг определяется как «яркий экспрессивный стиль нелитературной лексики <...>, язык, который идет в ногу со временем и реагирует на любые перемены в жизни страны и общества» [1, с. 38]. Действительно, несложный анализ общеупотребительных среди подростков лексем показывает, что чаще всего они используются для выражения эмоциональной оценки и экспрессивного отношения к проявлениям окружающей действительности: например, *лол – смешно, споки – спокойно, сорри – извини* и др.

Значительная часть исследователей полагает, что молодежный сленг – это одно из проявлений противостояния поколений, конфликта отцов и детей: «Несомненно возрастные различия в использовании лексики, относимой к разговорной: та часть молодежи – например, студенты, школьники-старшеклассники, – которая является носителем литературного варианта русского языка, в непринужденных ситуациях обильно использует жаргонную лексику, к которой представители старшего поколения относятся весьма сдержанно и в собственной речи используют мало» [2, с. 362]; «Молодежный сленг отличается “зацикленностью” на реалиях мира молодых. Рассматриваемые сленговые названия относятся только к этому миру, таким образом отделяя его от всего остального, и зачастую непонятны людям других возрастных категорий» [3].

Однако очевидно, что полностью согласиться с представленными мнениями невозможно, в силу того, что в понимании сленга опускается ключевой компонент его семантики: социолект призван кроме всего прочего «шифровать» информацию и делать ее понятной только определенной целевой группе [4, с. 38]. К сожалению, приходится констатировать, что именно эта функция социолектных проявлений речевой деятельности подростков все чаще становится предметом правового контроля. Дело в том, что современный молодежный лексикон содержит большое количество слов, используемых для имплицитного обозначения различных психотропных и наркотических средств. Данный лексический пласт достаточно динамичен, постоянно пополняется и не ограничивается такими широко употребляемыми в настоящее время словами и словосочетаниями, как *ширяться, глотать колеса, сесть на иглу, насвай, дурь, доза, кокс, герыч* и т.д. Приведем несколько примеров сленговых наименований наркотических средств, не получивших широкого коммуникативного распространения: *Виктор Палыч, Витёк – метамфетамин; петрушка – марихуана; Галя, Гарик – гашиш; Дима – дифенгидрамин; камень – твердый гашиш; Двадцать Пятое (по шифру LSD-25), Люся, Хофман – ЛСД; Федя – эфедрин.*

Как видно из приведенных примеров, дешифровка высказываний, содержащих такие лексемы, зачастую представляется затруднительной, особенно в коммуникативном потоке. Так, высказывание *Может, встретимся вечерком и заточим по бутеру?* может означать не намерение встретиться и съесть по бутерброду, а желание совместно покурить дикорастущей конопли. Еще несколько примеров: *Идем на дискотеку. Там будет Оксана (жидкий экстази); Приходи в гости – сосед привез балтийский чай (алкогольный коктейль на основе водки с добавлением кокаина); Идем в зоопарк – там крокодил есть (дезоморфин).*

Очевидно, что проблемы адекватного понимания текста с такого рода сленговыми лексемами заключаются в использовании для обозначения наркотических и психотропных средств 1) личных имен (*Ярик – гашиш; Настя – кетамин, сильный диссоциатив; Кузьмич – жаренная в масле марихуана; Москва – шкатулка для хранения гашиша*), 2) слов, чье прямое значение ассоциативно не связано с деструктивными действиями (*бутылка – ампула с наркотическим средством; атом – этаминал натрия; медицина – медицинский морфий; сахар – рафинад, пропитанный ЛСД; пыль – мелкая фракция марихуаны; чек – бумага для хранения наркотиков; боец – шприц; квадрат – почтовая марка с нанесенным на оборотной стороне слоем наркотического или психотропного средства; аппаратура – набор реактивов, инструментов, используемых для кустарного изготовления наркотических средств; компот – раствор для инъекции из ханки*). Принципы такой «номинативной политики» нельзя назвать немотивированными, как может показаться на первый взгляд. Зачастую названия запрещенных веществ специально шифруют, что позволяет понимать их скрытую семантику только определенной группе – употребляющим запрещенные препараты, их распространителям.

В рассматриваемой «смертельном словаре» можно выделить и единицы, которые имеют только имплицитное значение и уже по формальным языковым признаками

относятся к сленгу: *кетиш* – *калинсол*; *мицики* – *экстази*; *терп* – *кодеиновые таблетки*; *маняга* – *отвар из молока и кустов конопли*; *шмыга* – *высококачественный порошок амфетамина*.

Выводы. Изучение социолектов и их внутривидовых вариантов (сленгов) приобретает в последнее время дополнительную актуальность, обусловленную интересом к моделям и содержанию коммуникации со стороны юрислингвистики. Языковые знаки все чаще становятся объектом правового регулирования, а также маркером проявления делинквентного поведения. В этой связи исследование сленговой лексики подростков имеет не только прикладное значение для процессуально-судебной деятельности, но и высокую социальную значимость – своевременная и правильная «фильтрация» речевой деятельности детей может иметь действенный профилактический эффект.

Знание скрытых семантических значений сленговой молодежной лексики следует признать одной из новых, но важных задач процесса воспитания.

Список цитированных источников:

1. Орлова, Н.О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции / Н.О. Орлова // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 3 (40). – С. 37–41.
2. Крысин, Л.П. Повседневная русская речь в ее отношении к литературной норме (лексикографический аспект) / Л.П. Крысин // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 2014. – № 1. – С. 358–388.
3. Агузарова, К.К. Молодежный сленг / К.К. Агузова // Дарьял: электрон. лит.-худож. и обществ.-полит. журн. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.darial-online.ru/2004_6/aguzar.shtml. – Дата доступа: 02.01.2020.
4. Васильева, Н.В., Виноградов, В.А., Шахнарович, А.М. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. – М.: Русский язык, 1995. – 175 с.

МЕСТО ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лазарев П.Д., студент 3 курса

(г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова)

Научный руководитель – Мезенко А.М., доктор филол. наук, профессор

Введение. Имя собственное - имя существительное, обозначающее слово или словосочетание, предназначенное для именованья конкретного, вполне определённого предмета или явления, выделяющее этот предмет или явление из ряда однотипных предметов или явлений [1].

Цель нашего исследования – в ходе обследования респондентов в интернет-среде выявить общие закономерности и социальное значение реакций на словастимулы культурной и политической окраски («Бахтин», «Ленин», «Путин»).

Материалы и методы. Нами проведен ассоциативный эксперимент (АЭ). Общепринятая методика АЭ выглядит следующим образом. Инструкция предлагает в качестве реакции написать первое же слово (или несколько слов), которые приходят в голову как ответ на предъявленный стимул. Ассоциативная реакция-ответ должна быть дана респондентом немедленно, он не должен размышлять над тем, что бы ему сказать и как отреагировать [2, с.190].

Результаты и их обсуждение. В ходе эксперимента данные были получены нами от 1047 респондентов без гендерной, возрастной и территориальной дифференциации (за исследуемую территорию была взята Смоленская область РФ, непосредственно граничащая с Республикой Беларусь).